

РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ АФРИКАНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ КАПСКОЙ КОЛОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Во второй половине XIX в. к Капской колонии были присоединены значительные территории с преимущественно бантуязычным населением. Это, прежде всего, современный Сискей, составлявший до 1865 г. отдельное владение английской короны Британская Кафрария, Транскей и Британский Бечуаналенд, что увеличило численность банту, живших в границах Капской колонии, со 100 тыс. чел. в 1865 г. до 838 тыс. в 1891 г. и до 1,5 млн в начале XX в. [Dagut and Hobart 1972: 32, 292]. В результате столь значительного увеличения численности африканского населения, большей частью традиционный уклад жизни, возник сохранившегося комплекс проблем: организация системы управления, место традиционных властей в этой системе, включение чернокожего населения в колониальное общество Капской колонии¹.

---

¹ Среди *ко́са* и других этнических общностей Сискея и Транскея исследователи выделяют несколько уровней традиционных властей. Это, прежде всего, представители правящего рода, возводившие свое происхождение к первоначальному племени. Глава правящего рода носил титул *инкоси энкулу* (в буквальном переводе значит «вождь, который является старшим сыном»). Остальные представители правящего рода (*амакоси*, ед.ч. — *инкоси*) составляли правящую элиту и стояли во главе отдельных территориально-родовых подразделений племени. В состав племенных объединений входили и представители иных этнических групп, главы которых также носили титул *инкоси*, но при этом находились на более низкой ступени в традиционной иерархии и занимали подчиненное положение по отношению к вождям господствующей этнической общности. Низшее звено традиционных властей составляли главы отдельных *краалей* (*умзи*) — *изибонда* или *умнумзана*. Под их контролем в

Первые попытки ограничить влияние *амакоси* *кóса* были предприняты еще в конце 40-х годах XIX в., когда территории в междуречье Грейт-Фиш и Кей вошли в состав британских владений под названием Британской Кафрарии. Согласно указу генерал-губернатора Г. Смита, на *амакоси* были наложены следующие обязательства: выполнять все распоряжения губернатора; запретить осуществление обрядов, связанных с колдовством; отменить практику выплаты брачного выкупа за невесту. Им объявили, что теперь они являлись держателями земли от королевы Англии, следовательно, все миссионеры и торговцы, находящиеся на их территории, выводились из-под юрисдикции африканских правителей и получали разрешение на поселение только от губернатора [BPP. Colonies. Africa. 22. 1971: 196–197, 219–220].

О целях британской политики по отношению к банту достаточно красноречиво говорит депеша лорда Грея, занимавшего в 1846–1852 гг. пост министра по делам колоний в британском правительстве: «Главной целью нашей политики должно быть слияние различных рас. <...> Поэтому первоочередной задачей является приведение всего населения под действие единых законов и управление одних и тех же властей». Под едиными законами и властями понимались, прежде всего, административный аппарат и правовые установления Капской колонии. Тем самым подразумевалось постепенное вытеснение традиционных властей из системы управления африканским населением. На их место должны были заступить европейские чиновники. Очередная «кафрская война» 1850–1853 гг. отсрочила реализацию этих планов, но после умиротворения Британской Кафрарии британское правительство начинает новое наступление на права африканских правителей.

доколониальные времена могло находиться от 20 до 40 взрослых мужчин [Hunter 1936: 15, 378, 392–393; Peires 1982: 27; Schapera 1966: 80–81].

Образцом должен был послужить порядок управления общинами *мфенгу*, которые жили в пределах Капской колонии с середины 30-х годов XIX в. Английские власти установили жесткий контроль над ними. Все поселения должны были иметь главу — *хедмэна*, избранного из числа пользующихся авторитетом людей. Непосредственный надзор осуществляли британские чиновники, в чьи обязанности входили регистрация населения, находящегося в локациях, поддержание постоянной связи с главами деревень, разрешение спорных вопросов, возникающих между африканцами. Руководители общин должны были помогать в розыске украденного скота, если его следы вели в место расположения *мфенгу* [BPP. Colonies. Africa. 22. 1971: 490–492].

Хедмэны использовались также для распространения среди африканцев европейских стандартов жизни. Каждый глава деревни должен был ежегодно приобретать два полных комплекта одежды. Был даже учрежден специальный конкурс на лучше всего одетых и опрятных мужчин, женщин и детей, наиболее успешных фермеров. Победителям выдавалась небольшая премия [BPP. Colonies. Africa. 22. 1971: 492].

Вплотную реализацией планов по реорганизации системы управления африканским населением Британской Кафрарии занялся губернатор Дж. Грей (1854–1861). После войны 1850–1853 гг. *амакоси* сохранили одну из главных своих привилегий — судебную власть. Она же служила основным источником их доходов — штрафы с нарушивших законы общинников взимались в пользу вождя. Согласно же планам губернатора, все разбирательства должны были проходить в присутствии британского должностного лица — магистрата, назначенного правительством, а штрафы, накладываемые на нарушителей закона, идти в казну колонии. *Амакоси* и их советники взамен этого получали пособие за исполнение своих судебных функций [BPP. Colonies. Africa. 22. 1971: 431–433]. Фактически это означало ликвидацию вождества как самостоятельной судебно-административной единицы в обществе *кóса*. Главы родовых

объединений инкорпорировались в британскую административную систему и ставились в полную материальную зависимость от англичан.

Согласие *амакоси* на эту реформу было получено уже в сентябре 1855 г. Британские резиденты при разъяснении принципов новой системы фактически ввели африканцев в заблуждение. Они утверждали, что выплачиваемая правительством компенсация будет равноценна доходам, получаемым вождями за исполнение судебных функций. В этот момент африканцы как раз испытывали большие лишения вследствие массового падежа их скота, и обещанные правительством деньги были очень кстати.

Но обещания правительства не соответствовали действительности. Например, наследник *инкоси энкулу амаКакабе ко́са* Нгг’ики Сандиле должен был получать в год 60 ф. ст. Однако за исполнение своих судебных функций он получал в среднем в год 150 голов скота в виде штрафов [BPP. Colonies. Africa. 22. 1971: 433, 438–439]. При этом надо учесть, что одна корова стоила несколько фунтов. Как бы то ни было, британские магистраты приступили к выполнению своих обязанностей уже на следующий год.

Участие большинства *амакоси* в событиях 1856–1857 гг., когда *ко́са*, исполняя пророчество юной девушки Нонгг’авусе, забил большую часть скота и уничтожили свои запасы зерна, послужило поводом к дальнейшему ограничению их наследственных прерогатив. Все *амакоси*, участвовавшие в массовом забое скота, лишались субсидий, наиболее активные участники были арестованы и отправлены в заключение [Гончаров 1997: 221; Brownlee 1896: 165–166; Holden 1866: 162]. Сами события интерпретировались как заговор со стороны африканских правителей против белых.

Приверженность африканцев старым порядкам и традициям представлялась как одно из главных препятствий на пути достижения целей, провозглашенных Дж. Греем. Институт вождества, выступавший, по сути, в роли несущей конструкции

общества южных банту, виделся им как оплот наиболее консервативных сил, противостоявших европейской цивилизации. Как отмечали сами европейцы, *амакоси* выступали главной консолидирующей африканцев силой [MacLean 1906: 112; Holden 1866: 437–438]. Поэтому конечной целью политики колониальных властей должно было стать снижение влияния *амакоси* с последующей полной ликвидацией института вождества. Главным инструментом достижения этой цели виделась постепенная «цивилизация» африканцев. «Вожди и *хедмэны*, превратившись в подлинных землевладельцев, становятся фермерами, и их политическая власть постепенно размывается, делая лишь вопросом времени тот момент, когда исчезнет последний остаток власти вождя», — писал в 1864 г. методистский миссионер Уильям Холден [Holden 1866: 409].

В 1864 г. Британская Кафрария вошла в состав Капской колонии, что снова остро поставило вопрос о месте традиционных властей в ее административной системе. Четкого представления о том, что делать с *амакоси ко́са* и *тембу*, у колониальных властей не было. С одной стороны, сохранялся курс на постепенное снижение их роли и влияния. Однако власти были вынуждены считаться с тем, что африканцы сохраняли лояльность своим вождям, которые оставались религиозными лидерами своих общин, вершили суд и представляли интересы рядовых африканцев перед колониальной администрацией. Поэтому правительство заняло промежуточную позицию. На собраниях африканского населения вновь созданных дистриктов было объявлено об упразднении власти *амакоси*, о том, что все представители коренного населения, независимого от их положения и статуса, теперь должны были подчиняться законам Капской колонии и что к ним с этого момента должны были относиться как к британским подданным. Все спорные вопросы должны были разрешаться не родовыми старейшинами, а европейскими магистратами, располагавшимися в административном центре дистрикта [Holden 1866: 396–397].

В то же время, согласно принятым в 1864 г. законодательным актам, за африканским населением Британской Кафрарии сохранялось право жить по своим законам и обычаям. Имущественные и другие спорные вопросы должны были решаться магистратами в соответствии с нормам обычного права [Care of Good Hope 1883: Part II. Appendices: 8]. При этом обычным делом была практика, когда европейские чиновники выносили свои решения исходя из рекомендаций, которые они получали от своих советников из числа старейшин и *амакоси*. К тому же сохранение традиционной потестарной организации африканцев отвечало потребностям поддержания порядка и осуществления контроля над местным населением. Ч. Браунли, занимавший пост министра по туземным делам Капской колонии в 1872–1878 гг., отмечал, что влияние *амакоси* нельзя игнорировать, их нужно контролировать и использовать в своих целях [Care of Good Hope 1883: Part II. Appendices: 67]. Уильям Финн, служивший британским резидентом при верховном правителе *амаГу'алека* Сакили, отмечал, что нет людей более преданных своим правителям, чем *кóса*. «Для них нет ничего выше, он (Сакили. — А.В.) является их Божеством», — отмечал Финн в 1881 г. [Care of Good Hope 1883: Minutes of Evidence: 281].

Примером подобной политики может служить деятельность Ч. Драйвера, занимавшего должность магистрата в локации *тембу* (дистрикты Глен Грей и Леди Фрер). Локация Драйвера была поделена на фермы площадью 1500–2000 моргенов каждая. Во главе них стояли назначенные колониальными властями *хедмэны*. Они были ответственны перед правительством за поведение простых общинников и сбор налога с хижин. Во главе нескольких подобных ферм ставился старший *хедмэн* [Care of Good Hope 1883: Minutes of Evidence: 333–337]. Через него осуществлялись контакты между африканцами и колониальными властями. Как правило, под властью старшего *хедмэна* находились представители одного клана, а сам он принадлежал к тому же роду, что и подчиненные ему люди. При его назначении оп-

ределяющую роль играло мнение *инкоси*, которым интересовались при выборе нового *хедмэна*.

Гражданский комиссар и постоянный резидент одного из дистриктов Капской колонии Эдвард А. Джайдж свидетельствовал в 1881 г.: «То, что люди (африканцы. — *А.В.*) будут относиться с уважением к человеку (*хедмэну*. — *А.В.*), принадлежащему к другому клану или племени, представляется практически невозможным» [SANRC 1901: 75; Cape of Good Hope 1883: Minutes of Evidence. 180, 188].

На практике получалось так, что африканские власти в лице *хедменов* и *амакоси*, которые официально были лишены административных и юридических функций, продолжали осуществлять правосудие, опираясь на свой традиционный авторитет среди общинников. Большинство спорных вопросов и дел даже не доходили до английских чиновников. По отношению к колониальным властям *хедмэны* выполняли следующие обязанности: сообщать обо всех происшествиях в деревне, оказывать помощь в сборе налогов, извещать о прибытии посторонних людей, помогать в розыске украденного (прежде всего похищенного скота), доставлять должников в суд [Cape of Good Hope 1883: Minutes of Evidence. 180].

Поставив представителей традиционных властей в прямую финансовую зависимость от европейской администрации, правительство превратило их в низшее звено административного аппарата. Это позволяло сэкономить на управлении значительные средства. Для сохранения порядка на территории с населением в 20 или 60 тыс. человек требовалось не более полдюжины африканских полицейских [SANRC 1901: 47]. Основные функции по поддержанию порядка возлагались на *хедменов*, которые фактически являлись традиционными наследственными главами родовых общин [Cape of Good Hope 1883: Minutes of Evidence. 180, 188, 368–369, 501].

С 1879 г., когда к колонии были присоединены области Транскея с большим африканским населением (численность на-

селения Капской колонии увеличилась с 720 984 в 1875 г. до 1 249 824 человек в 1881 г. [Great Britain. Statistics. 1875: 5], для так называемых «туземных» территорий были введены особые правила отправления правосудия. Наряду с такими положениями, как защита законом имущества и личности каждого индивида, новая система штрафов и наказаний, установление уголовной ответственности за колдовство и необоснованные обвинения человека в ведовстве, признавалась возможность рассмотрения судебных разбирательств между африканцами согласно обычному праву [BPP. Colonies. Africa. 14 1971: 333–350]. Не признавались законными также полигамные браки и дела, связанные с выплатой брачного выкупа. Решение тяжб, возникавших в связи с этими обычаями, оставлялось на усмотрение британских резидентов, сами они не получали никакой официальной санкции на разрешение подобных споров [Cape of Good Hope 1883: Minutes of Evidence. 499–500; South Africa 1905: 11, 424, 626]. Особо следует отметить, что в этих инструкциях не было никаких разъяснений относительно природы и содержания правовых норм. Подразумевалось, что магистраты должны действовать в соответствии с законами и обычаями, существовавшими в их дистриктах.

В качестве дополнения к данным правилам Комиссией по туземным законам и обычаям 1883 г. был выработан уголовный кодекс, вступивший в действие в 1887 г. Он вводил европейские нормы наказания за совершение преступлений против личности и покушение на частную собственность [Cape of Good Hope 1883: Part I. Report]. За африканцами признавалось право жить по собственным обычаям и законам, но они были частично изменены и приведены в соответствие с европейским пониманием справедливости.

Таким образом, была введена правовая система, согласно которой гражданские дела фактически решались в соответствии с нормами обычного права банту, в то же время серьезные пра-

вонарушения, подпадавшие под действие уголовного законодательства, решались европейским судом.

В административном плане территория Транскея была поделена на дистрикты, каждый из которых находился под контролем магистрата, который выступал в роли судьи и чиновника колониального правительства. Дистрикты, в свою очередь, делились на локации во главе с *хэдменами*. Содержание новой администрации осуществлялось за счет сбора налога в размере 10 шиллингов с каждой хижины [Beinart 1982: 36].

Лишив вождей значительной части их полномочий, оставив за ними ритуальные и урезанные административные функции, колониальные власти нарушили равновесие, существовавшее внутри общества банту между простыми общинниками и родовыми главами. Рядовые африканцы потеряли те пути оказания давления на своих *амакоси*, которые они имели в доколониальный период. Теперь они не могли по своему усмотрению поменять место жительства (этому препятствовала система локаций и пропусков) или обратиться за защитой к верховному правителю, так как он уже не имел действенных рычагов власти, за исключением авторитета религиозного главы племени. Такое положение приводило к росту злоупотреблений. Африканцы часто даже не могли пожаловаться на эти действия, так как не знали европейских законов, а многие магистраты сами брали взятки.

Создание органов самоуправления в локациях африканцев, согласно введенному в действие в 1894 г. Акту Глен Грей, также не снимало с повестки дня вопрос роста злоупотреблений. Так называемые «туземные» советы, созданные согласно его положениям, выдавали лицензии на вырубку леса и разрешения на выпас скота на общинных выгонах за денежные вознаграждения. Не все деньги, собранные с местного населения в виде налогов, шли по прямому назначению — на открытие новых школ и строительство дорог. В целом европейские чиновники оценивали деятельность этих советов как крайне неэффективную, на-

зывая пародией на европейскую администрацию [South Africa 1905: Vol. 2. P. 854, 881; Union of South Africa 1911: 180].

Рост злоупотреблений среди *амакоси* во многом объяснялся тем, что традиционно их престиж среди соплеменников утверждался за счет щедрых раздач скота своим клиентам, родственникам и сторонникам. Еще с доколониальных времен утвердилась традиция, когда главы родов и племен стремились окружить себя как можно большим количеством жен, что объяснялось как соображениями престижа, так и потребностью иметь как можно более многочисленное потомство. С началом европейской колонизации и подчинением африканцев власти европейцев указанные стимулы к приобретению скота, выступавшего главным средством аккумуляции богатства, не исчезли, лишь были крайне урезаны легальные источники доходов. Это во многом и толкало *амакоси* на различные ухищрения, часто противоречащие интересам простых общинников, с целью увеличения своих доходов.

Недостатки управления также во многом проистекали из того, что колониальные власти испытывали значительные трудности в комплектовании аппарата управления европейцами. А от них, как показала практика, зависело достаточно много, так как магистрат становился источником права во вверенном ему дистрикте, выполнял основные контрольные функции, то есть те обязанности, которые в прошлом являлись прерогативами *амакоси*. Поэтому если магистрат был сведущ в обычном праве африканцев, прислушивался к рекомендациям традиционных лидеров, то в дистрикте поддерживался порядок и сохранялось относительное согласие между чернокожим населением и колониальными властями.

Примером такого магистрата являлся Роберт Дж. Дик, занимавший должность специального магистрата суб-дистрикта Тамака (Tamača). Он прожил среди африканцев практически всю свою жизнь, говорил на *исикóса*, к нему приходили за решением по спорным вопросам африканцы с прилегающих тер-

риторий. Р. Дик даже выполнял функции регента при малолетних наследниках *инкоси* [South Africa 1905: Vol. 1. 424, 421–442, 457]. Но эти его функции не были прописаны в законе. Все, что он делал, явилось его личной инициативой. Другие магистраты могли просто отказываться рассматривать случаи, основанные на африканских правовых нормах. В подобных случаях сохранение власти *инкоси* получало дополнительные стимулы, так как альтернативы у африканцев просто не оставалось [Ibid: Vol. 1. 625–626].

Р. Дик признавал, что *амакоси*, официально не имевшие никаких полномочий, сохраняли доверие своих людей. Под его началом в качестве *хэдменов* находились представители наиболее знатных родов *кóса*, принадлежавших в прошлом к правящей элите племени (например, Натаниэль Умхала — внук Ндламбе, дяди и главного соперника Нгг’ики в борьбе за лидерство среди *амаКакабе кóса*). Сам Н. Умхала следующим образом объяснял приверженность *кóса* власти своих *амакоси*: «Люди предпочитают власть вождя, потому что она не так строга, как власть белых людей. Потому что они все могут увидеть вождя и изложить перед ним свои жалобы, в то время как дойти до магистрата они не могут» [Ibid: Vol. 1. 508].

В Транскее, где действовала своя правовая система, власть и авторитет *амакоси* были неоспоримы. Англичане лишили их возможности использовать принуждение, чтобы проводить в жизнь свои решения, но их влияние было столь значительно, что магистраты были вынуждены действовать исключительно через общепризнанных лидеров африканских общин [Ibid: Vol. 1. 975–980].

Непопулярность представителей колониальных властей среди африканцев объяснялась еще и тем, что многие колониальные чиновники не знали ни языка, на котором говорили их подопечные, ни их законов. В случае судебных разбирательств «источником» права мог оказаться любой африканец, внушающий доверие магистрату. И здесь не имело значения, был ли он

сведущ в тонкостях традиционного судопроизводства [Ibid: Vol. 1. 207–208]. Все это приводило к искажению прежних правовых норм и понятий. Кроме того, за разбирательство в суде магистрата африканец должен был уплатить определенную сумму, что также вызывало всеобщее недовольство. Европейские юристы, которые занимались подготовкой дел к рассмотрению в суде, были известны среди *кóса* как «*амагг'вета*», т.е. люди, которые искажают факты [Ibid.: Vol. 1. 521].

Причиной подобного отношения стало плохое знание европейцами африканских обычаев и законов. Поэтому, хотя *амакоси*, согласно закону, лишались права выносить решения по спорным вопросам, в каждом дистрикте сохранялся суд *инкоси*, действовавший на регулярной основе. В начале 1930-х годов колониальные власти вынуждены были признать эти суды официально, правда, за магистратами сохранялись функции апелляционных судов [Hunter 1936: 425].

В целом во второй половине XIX в. можно отметить определенную эволюцию отношения английских колониальных чиновников к африканской властной элите. Если в середине XIX в. колониальные власти придерживались курса на постепенную ликвидацию влияния *амакоси*, то в конце столетия традиционные власти оказались прочно интегрированы в систему управления коренным населением. Их роль даже возросла, поскольку они получили дополнительные стимулы к упрочнению своего влияния через учреждение советов локаций и дистриктов Транскея.

Роль африканских властей не была изначально четко определена колониальным законодательством, что оказалось недостатком сложившейся в Капской колонии системы управления, так как предоставляло широкое поле для толкования тех или иных норм обычного права и приводило к формированию серьезных различий в подходах к управлению африканским населением, практиковавшихся отдельными магистратами. В то же время отсутствие строгой нормативной базы делало систему

более гибкой, позволяло ей реагировать на происходившие изменения, в большей мере учитывать местные особенности.

Устойчивость положения традиционных властей объясняется также тем, что практика обсуждения и принятия решений европейскими магистратами не соответствовала представлениям африканцев о справедливости. Характерной чертой их традиционной правовой системы было стремление учесть мнение как можно большего числа представителей заинтересованных сторон. Судебные разбирательства часто превращались в многодневные совещания и длительные дискуссии между ораторами, представлявшими интересы сторон. Принятое решение не должно было оставить недовольных или зародить сомнения в справедливости *инкоси*.

Важной стороной жизни африканцев также являлось стремление к достижению согласия между членами общины. Принятие решений, особенно когда дело касалось вопросов, не имевших прецедентов, затягивалось на целые недели, что часто выводило из себя европейцев, которым долгие разговоры и дискуссии казались напрасной тратой времени. Африканцам же чрезвычайно важно было заручиться поддержкой большинства членов общины.

Простые африканцы предпочитали обращаться к традиционным лидерам, а не к европейским магистратам. Колониальным чиновникам приходилось считаться с этими обстоятельствами, иначе они могли вовсе потерять контроль над африканским населением. Поэтому интеграция традиционных властей в систему колониального управления являлась жизненной необходимостью, ведь в этом случае европейцы получали контролирующие функции. Для африканских *амакоси*, в свою очередь, это становится способом упрочнения своего влияния. Уже в начале XX в. они из главной оппозиционной силы постепенно становятся лояльными подданными колониальных властей.

Литература

Гончаров И.А. Фрегат «Паллада» // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем. СПб.: Наука, 1997. Т. 2.

Beinart W. The Political Economy of Pondoland, 1860–1930. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1982.

Brownlee Ch. Reminiscences of Kaffir Life and History, and Other Papers. Lovedale: Printed at the Lovedale Mission Press, 1896.

British Parliamentary Papers. (Далее — BPP). Colonies. Africa. 14. Correspondence Regarding Unrest in Transvaal and Affairs in South Africa Generally, 1880. Shannon: Irish University Press, 1971.

BPP. Colonies. Africa. 22. Correspondence with the Cape Governor Regarding the Kaffir Tribes, Convict Discipline and Other Colonial Matters, 1837–1847. Shannon: Irish University Press, 1971.

BPP. Colonies. Africa. 29. Correspondence and Other Papers Regarding the Affairs of Natal Colony and the Kafir Rebellion, 1852 — 75. Shannon: Irish University Press, 1971.

Cape of Good Hope. Government Commission on Native Laws and Customs. Report and Proceedings with Appendices and Minutes of Evidence. Cape Town: W. A. Richards and Sons, Government Printers, 1883.

Dagut J. and Hobart H.D. (eds.). Source Material on South African Economy: 1860–1970. Vol. 1. (1860 — 1899). Cape Town etc.: Oxford University Press, 1972.

Great Britain. Statistics. Statistical Abstract for the United Kingdom. № 22. L.: G. Eyre & Spottiswood, 1875.

Holden W. C. Past and Future of the Kaffire Races. L., 1866.

Hunter M. Reaction to Conquest. Effects of Contact with Europeans on the Pondo of South Africa. L.: Humphrey Milford, 1936.

MacLean J., (compiled by). A Compendium of Kafir Laws & Customs. Grahamstown: T. Slater, 1906.

Peires J. The House of Phalo: A History of the Xhosa People in the Days of Their Independence. Berkeley etc.: The University of California Press, 1982.

Schapera I. (ed.). The Bantu-speaking Tribes of South Africa. An Ethnographical Survey. L.: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1966.

The South African Native Races Committee (SANRC). (ed.). The Natives of South Africa: Their Economic and Social Condition. L., 1901.

South Africa. South African Native Affairs Commission, 1903–1905. In 5 Vols. Cape Town: Cape Times Limited, Government Printers, 1905.

Union of South Africa. Blue Book on Native Affairs, 1910. Cape Town: Cape Times Limited, Government Printers, 1911.